

Московский институт психоанализа
Серия: Логотерапия и экзистенциальный анализ

Александр Баттиани,
Элизабет Лукас

**ЛОГОТЕРАПИЯ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ СЕГОДНЯ**

Актуальная характеристика

**Александр Баттиани
Хайди Шёнфельд
Логотерапия и
экзистенциальный анализ
сегодня. Актуальная
характеристика
Серия «Логотерапия и
экзистенциальный анализ»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67644197

Логотерапия и экзистенциальный анализ сегодня: Актуальная характеристика / Баттиани А., Лукас Э. Пер. с нем. М. Матвеева:

Когито-Центр; Москва; 2021

ISBN 978-5-89353-636-2

Аннотация

Данная книга написана известными логотерапевтами, которые внесли выдающийся вклад в развитие теории и практики оригинальной логотерапии Виктора Франкла. С момента смерти основателя школы логотерапии прошло более 20 лет, в мире происходят мощные изменения, логотерапия также находится в

динамике, стараясь при этом сохранить свои корни. В живой и доходчивой форме авторы рассказывают, как развивалась логотерапия во времени и пространстве, что сейчас является наиболее актуальным и какие новые цели и задачи ставит перед собой логотерапия.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
Предисловие	11
Вступление	12
I. Патология духа времени в XXI веке	13
1. Счастье – это то, что обошло стороной	13
2. Материальное благополучие и дефицит благодарности	21
3. Преимущество человека: другие люди	25
4. Реактивное счастье и несчастье	29
5. Пятая патология духа времени?	32
6. Цифровая патология (интернет и психика)	39
7. Бедствие и благоговение	47
II. О психологическом значении реалистичного представления о человеке	52
1. Наше представление о себе и его значение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Александр Баттиани,
Элизабет Лукас
Логотерапия и
экзистенциальный анализ
сегодня: Актуальная
характеристика**

*Элеоноре Франкл с благодарностью и
преданностью*

*Русское издание этой книги посвящено
Светлане Штукаревой, Екатерине Вульфсон и
Юлианне Сагдиевой – трем пионерам логотерапии*

Московский институт психоанализа

Серия: Логотерапия и экзистенциальный анализ

Alexander Batthyany, Elisabeth Lukas

LOGOTHERAPIE UND EXISTENZANALYSE

HEUTE

Eine Standortbestimmung

Перевод с немецкого *М. Матвеева*

Научная редакция *Г. Лифшиц, С. Штукарева*

С предисловием Элеоноры Франкл и вступлением Франца Веселы

© Московский институт психоанализа, 2021

Предисловие к русскому изданию

Данную книгу можно рассматривать как «привал» на пути развития логотерапии, когда происходит сверка исходной точки маршрута и текущего направления, проверка снаряжения, ресурсов, выстраивание планов на ближайшие перспективы, когда обостряется внимание к попутчикам, к нюансам их мнений.

Книга изобилует ссылками на различные источники информации, которые появились за последние двадцать лет, однако авторы постоянно пребывают в контакте с основоположником логотерапии В. Франклом, цитируя его труды и опираясь на них.

Это можно заметить даже в таких деталях, как воспроизведение манеры Франкла отвечать на вопросы интервью, например, в интервью Курту Эйслеру в 1959 году почти после каждого большого абзаца Франкл повторял: не так ли? Тем самым он приглашал собеседника к ответной реакции и в то же время как бы ставил вопрос, ведь главное – то, *что* именно мы отвечаем на поставленные нам жизнью вопросы. Некоторые заголовки и завершения глав книги воспроизводят эту вопросительную франкловскую интонацию – вопрос (метафорическое «не так ли?»), приглашая читателя поразмышлять, дать свой ответ, а также в этом есть намек на то, что прав собственности на истину нет ни у кого.

В книге можно обнаружить потрясающие по красоте и образности высказывания Э. Лукас и точные линии научных размышлений А. Баттиани. Одно из удивительных определений понятия самотрансценденции: специфически человеческое преимущество – это другие люди! Каждый человек одарен тем, что может (не принужден) быть великодушным. Без тех, к кому мы обращаемся, – без других людей, – у нас нет возможности испытать такие глубокие трансцендентные переживания, как благодарность, доброта, великодушие, сострадание, забота. Это, по сути, и делает нас людьми. Франкл назвал это специфически гуманным, то есть присущим только человеку. Мы можем быть бесконечно благодарны другим людям за возможность проявлять по отношению к ним лучшее из возможного, а так как вокруг нас всегда есть люди, то мы являемся «обладателями» неиссякаемого сокровища – быть полезными для другого. Преимущество человека – это другие люди!

Авторы книги демонстрируют искусство критического анализа, когда, выделяя спорные или противоречивые моменты в исследовательских работах современников, вместе с тем находят то, чему можно дать одобрительную оценку. Форма диалога ведущих специалистов в области логотерапии позволяет максимально раскрыть непроясненные моменты ее теории и практики.

Светлана Штукарева,

руководитель Высшей школы логотерапии Московского
института психоанализа

Предисловие

Какая удача, что именно эти два человека, обладающие в немецкоязычном пространстве, вероятно, самым глубоким пониманием творчества Виктора Франкла, вместе создали эту книгу. Ведь они оба – Элизабет Лукас и Александр Баттиани – не только поняли логотерапию разумом, но и почувствовали сердцем то, что мой муж хотел передать своим трудом и своей жизнью. Более плодотворное соавторство трудно себе представить: когда объединяются лучшие, выходит лучший результат.

Элеонора Франкл

Вступление

Александр Баттиани и Элизабет Лукас обсуждают в этой книге широкий спектр тем с позиций логотерапии, среди них актуальные и спорные вопросы логотерапии, которые давно ждали рассмотрения и которые вызывают критическое отношение авторов и стремление к содержательной точности.

Таким образом, оба автора достойно справляются с той ответственностью, которую Виктор Франкл возложил на будущие поколения логотерапевтов – поддерживать логотерапию живой и перспективной в открытом диалоге с научными, философскими и общественными тенденциями и проблемами современности.

Франц Й. Веселы

I. Патология духа времени в XXI веке

1. Счастье – это то, что обошло стороной

Баттиани: В нашей беседе мы коснемся некоторых вопросов, которые до сих пор редко обсуждались логотерапевтами открыто и подробно, а также поговорим о спорах и противоречиях, возникших в логотерапии в последние годы или десятилетия. Кроме того, мы подробно остановимся на новых течениях в самой логотерапии и в смежных с ней областях. Также (и, возможно, уже в самом начале) мы осветим открытия и выводы, которые сделал в своих работах Виктор Франкл, но которым было уделено сравнительно мало внимания, среди них и те, которые открывают свой смысл лишь после второго или третьего прочтения. Тут я должен признать, что смысл одной такой мысли для меня долгое время оставался скрытым. Я долгие годы не мог до конца понять определение счастья у Франкла. Франкл определял счастье следующим образом: «Счастье в том, что миновало» (Frankl,

Хотя я и перечитывал это предложение по несколько раз, мне потребовалось действительно много времени, чтобы оно до меня по-настоящему «дошло». Сегодня мне думается, что мысль, которая скрыта в этом маленьком предложении, – это не меньше, чем путь к одному из тех коперниканских поворотов, о которых Франкл говорил, упоминая процессы глубинного познания и позиции, меняющие жизнь.

Я хочу проиллюстрировать это на одном примере. Ты идешь на обычный осмотр ко врачу. Дорога в клинику проходит по твоему привычному городскому маршруту. По пути минуешь цветочные киоски, книжный, магазины одежды, продуктовые, рыночные прилавки и т. д. Наконец, ожидаешь у кабинета врача, листаешь разложенные там журналы, возможно, читаешь пару статей о путешествиях, рецепты и театральную критику – и тебя вызывает врач. Он приветствует тебя со взглядом несколько более серьезным, чем всегда, и вдруг докладывает, что ему кажется подозрительным какой-то результат анализа, нужно обследоваться дальше и посмотреть, нет ли чего серьезного. Каждый, кто представит себя в такой ситуации, сможет почувствовать, как меняется привычный мир, над которым так резко и неожиданно нависла угроза. Вдруг становится ясно, что его может и не быть. И из-за этого мир меняется. На обратном пути ты замечаешь

¹ Точнее, в формулировке Франкла речь идет о семантическом сокращении фразы «Счастье в ненаступлении того, что миновало». – *Прим. пер.*

беспечность других; это та самая беспечность, которую ты сам разделял с ними по пути в клинику, не ценя ее и не испытывая благодарности. Ты наблюдаешь за обычной суетой на торговой улице, и тебе становится ясно: «У этих людей есть то, что я потерял: беззаботность. Я бы хотел вернуть эту беззаботность». Одна пациентка очень точно описала это состояние. Она говорила в этом контексте о радости, которую люди «не проживают», они абсолютно не осознают, насколько беспечно и свободно они прогуливаются по улицам с магазинами.

В такой ситуации человек непосредственно осознает, каким счастьем до сегодняшнего дня было испытывать в своей жизни то, что еще по пути в клинику не воспринималось им как подарок, за который можно быть благодарным. Например, остановиться у витрины книжного магазина и присмотреть себе новую книгу или вещи на будущий сезон; порадоваться смене времени года или полюбоваться разнообразием и пышностью красок в цветочном киоске и т. д. Короче говоря, человека сразу поражает мысль, какой интересной, великолепной и беззаботной была по большей части его жизнь. И с этой мыслью ему становится ясно, насколько благодарным стоило ему быть все это время даже за такое банальное, «само собой разумеющееся» повседневное счастье.

Представим себе, что спустя неделю человек снова идет на прием, результаты тестов уже готовы. И врач встречает его с радостной новостью, что все в порядке; это была всего

лишь безобидная инфекция, от которой можно легко избавиться. Именно она изменила состав крови, то есть тревога была ложной. Легко вообразить себе, каким новым светом засияет та же улица с магазинами на обратном пути. Что же это за новый свет? Это свет благодарности. Благодарности за что? За то, что у человека снова есть эта повседневность; ничего больше не произошло. Перемена случилась именно внутри человека: пришло благодарное осознание, что якобы банальное и само собой разумеющееся счастье повседневности вовсе не банально и уж тем более не нечто само собой разумеющееся. Именно оно есть счастье.

Говоря иначе, мы иногда настолько привыкаем к тому, что имеем, и нередко настолько же озабочены тем, что нам хотелось бы иметь или, как нам кажется, что мы иметь должны, что благодарность за все успехи, здоровье, за все хорошее атрофируется, то есть не получает достаточной подпитки и отмирает. И в этом случае именно угроза потери или потеря того, что мы воспринимали как само собой разумеющееся, дает нам понять, какими подарками нас все время одаривали. И какими слепыми мы были к прекрасному, хорошему и успешному в нашей жизни все это время.

Итак, это с виду маленькое предложение сразу на нескольких уровнях хранит в себе глубокую мудрость, которая действительно меняет жизнь к лучшему. Оно открывает доступ к естественной и искренней благодарности, ведь она имеет свое основание и человек ее на самом деле ощущает. Это та

самая благодарность, которую человек не реализует как «моральный долг» или формальность, но которую можно действительно прожить, испытать на своем личном опыте. Счастье поистине в том, что миновало.

Лукас: Позвольте поздравить вас с тем, что вы поняли эту мысль. Из огромного фонда логотерапевтических идей вы выбрали одну очень важную. Факт в том, что неблагодарность распространяется, как злостная инфекционная болезнь.

Я обратила на это внимание еще в начале 1970-х годов, работая над своей диссертацией, но тогда «инфекция» еще имела границы. Убогие, скудные послевоенные годы еще не стерлись из памяти многих европейцев. Однако благосостояние уже начало свой победный марш, порождая иррациональное претенциозное мышление. С опорой на триаду Франкла («творческие ценностей», «ценности переживания» и «ценности отношения») в процессе работы над диссертацией я начала анализировать ценностную ориентацию тысячи ответов, которые дали случайные опрошенные. Я обратила внимание, что на вопрос о том, в чем можно найти смысл, немало респондентов указывали радость позитивных факторов и/или готовность разделить такие «сокровища» с другими людьми. Эти ответы лишь немного касались «ценностей переживаний» и были похожи скорее на «ценности отношения» с противоположным знаком. Очевидно, ве-

ликодушное и ориентированное на смысл отношение существует не только к горю и страданию, но и к щедрым источникам, которые иногда становятся нам доступны.

Я посоветовалась со своим куратором, и Франкл положительно отнесся к идее расширить его определение «ценностей отношения» до «обобщенных ценностей отношения» (Лукас). В итоге анализ ценностной составляющей ответов в моем опроснике обнаружил интересные результаты. Три «главные улицы нахождения смысла» (Франкл) у тех опрошенных, кто считал свою жизнь наполненной смыслом, были представлены в следующем образом: 50,40 % – «творческие ценности», 23,26 % – «ценности переживания» и 26,34 % – «ценности отношения + обобщенные ценности отношения» (= 100 %). Итак, около половины опрошенных находили смысл в осуществлении реальной деятельности. Примерно треть находила смысл в восприятии красоты мира. Примерно треть находила смысл в отношении к данностям мира, будь они поводом для радости или печали (Lukas in: Frankl, 1982c, S. 290).

Баттиани: Работа «Логотерапия как теория личности» (Lukas, 1971) была, насколько мне известно, первой немецкоязычной диссертацией на тему логотерапии. Она, наряду с «Purpose in life-test» Крамбо и Махолика (Crumbaugh, Maholick, 1964), являлась самым цитируемым Франклом трудом эмпирической логотерапии.

Чтобы дополнить историческую картину, следует упомянуть, что ваш научный руководитель, на тот момент заведующий кафедрой психологии Университета Вены Гизельхер Гутман (будучи учеником Хуберта Рорахера, был представителем тех, кто рассматривал психологию строго как эмпирическую науку, а также пионером в области нейропсихологии), начал признавать значение логотерапии как теории личности, так и психотерапии, не в последнюю очередь под впечатлением от собранных вами данных. По крайней мере, это то, что сказал мне сам профессор Гутман спустя 30 лет, когда был научным руководителем уже моей диссертации. Именно профессор Гутман, руководствуясь надежностью этих эмпирических данных, на протяжении многих лет поддерживал логотерапию в австрийском научном дискурсе и добился того, что австрийское министерство, а именно комитет психотерапии признал логотерапию в качестве нормативной психотерапии.

Но вернемся к настоящему. Ваша исследовательская работа была завершена в 1971 году в Институте психологии Университета Вены. Принимая во внимание ваши многолетние терапевтические наблюдения, клинический опыт, преподавательскую и лекционную деятельность, я задаюсь вопросом: сегодня, примерно 50 лет спустя, процентное соотношение ценностных ориентиров выглядело бы таким же, если бы это исследование было проведено снова?

Лукас: Нет, вероятно, процентное соотношение выгляде-

ло бы сегодня иначе. Я предполагаю, что как «ценности переживаний», так и «ценности отношения плюс обобщенные ценности отношения» опустились бы до отметки 25 %. Насчет «ценностей переживаний» я не уверена, но мне кажется, что даже самые убежденные фанаты Интернета не расценивают использование сети и общение онлайн как исключительно «радостное переживание», но определяют их место где-то между получением информации, давлением и принуждением. В любом случае для других радостных переживаний временные окошки становятся все *уже*. Для «ценностей отношения» в ситуациях, вызывающих страдания, растущее негодование и жалостливость избалованных людей, пожалуй, слишком велики. А для «обобщенных ценностей отношения» часто не хватает чувства благодарности.

2. Материальное благополучие и дефицит благодарности

То, что можно занять храбрую, *достойную* позицию по отношению к тяжелой судьбе, которую нельзя изменить, довольно-таки удивительно для наших современников. То, что можно *ценить* легкую, благосклонную судьбу, что уместно радоваться радостному, звучит почти как фарс. «Это же логично!» – восклицает разум, и всё же, по-видимому, необходима настоящая акробатика ума, чтобы человек так действительно думал. Журналисты со всего света безостановочно демонстрируют нам ужасные картины страдающих от голода и войны стран, население которых вынуждено спасаться бегством; это картины изгнаний, притеснений, безысходности, однако «логичного» сравнения с нашими здешними практически райскими условиями не происходит. Напротив, количество людей, которые потеряли душевное равновесие и нуждаются в терапии, в нашем культурном круге растет. Ощущение удовлетворенности уменьшается.

Баттиани:...И это сразу поднимает вопрос о том, с чем это связано и как это возможно? Как неблагодарность могла распространиться, словно эпидемия, посреди материально-благополучия (а для многих посреди избытка) и на таком контрасте с другими, полными лишений временами и стра-

нами?

Лукас: Честно говоря, я не знаю. Может быть, я просто слишком стара и чересчур ребенок войны, чтобы это понять. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, – это то, что позитивные жизненные обстоятельства *для начала вообще нужно признать таковыми*. У меня было бесчисленное множество пациентов, которые (по праву) были несчастны, но также и очень много таких пациентов, которые не знали, что были счастливы или могли бы такими быть. Они были не в состоянии определить, что их жизненные обстоятельства являются удобными и легкими. Они понятия не имели, от чего их уберегла судьба в прошлом. Они были в неведении, насколько шикарно выглядели варианты их будущего. Они абсолютно не замечали все хорошее вокруг себя. Они приходили и жаловались на банальности. Для них я разработала сильнодействующую терапию (ср.: Lukas, 2014). Я начинала фантазировать с ними в *сослагательном наклонении* о плохой судьбе. Одной молодой маме, которая беспокоилась из-за пустяков, я предложила представить себе поездку с маленьким сыном в клинику, где ему должны провести операцию на сердце. Что бы она чувствовала в такой ситуации? Одного вечно недовольного молодого человека я призвала вообразить, что он только что получил повестку в армию и отправляется воевать. Став солдатом, ему пришлось бы попрощаться со своими любимыми. Одному вра-

чу, брюзгливость которого соответствовала его обеспеченности, я дала пережить в воображении, будто в прошлом он совершил врачебную ошибку, о которой он теперь с ужасом вспоминает. Было удивительно наблюдать, с каким облегчением пациенты вздыхали, что эти фантазии в сослагательном наклонении не имели ничего общего с реальностью и насколько спокойно и сдержанно они впоследствии относились к своей реальности. Является ли этот метод жестким? Я не сказала бы. Иногда людям нужна серьезная глубокая встряска, чтобы они смогли переосмыслить свое основополагающее отношение к жизни. Иногда это также потрясения, которые предоставляет им сама жизнь, на основании которых они резко пересматривают свою позицию. В принципе ни у кого *не обязательно все должно* быть все хорошо. Нигде во всей живой природе нет такого закона, что растения, животные или человек могут вести исключительно беспечное существование. Увядание и боль вездесущи. Смерть поджидает везде. То, что она нас какое-то время минует, – это чистый подарок богов. *Знать об этом* – самый большой подарок. В обществе потребления типа нашего мы должны быть страшно внимательны, чтобы не перепутать счастье с обладанием товарами. Конечно, производитель будет продавать товары, и для этой цели он должен постоянно подогревать потребность в них. С его точки зрения, люди, довольные тем, что имеют, тратят слишком мало денег. Но наряду с этим существует и альтернатива со смыслом, а именно реализация

«обобщенных ценностей отношения». Здесь подразумевается не только отношение, при котором «ценят все положительное», но и своего рода самаритянская позиция. Делиться может лишь тот, кто обладает чем-то. Помочь может лишь тот, у кого есть средства помощи. В конце концов, если у человека все хорошо – это не только повод для радости, но и повод проявить свою заботу там, где дела обстоят плохо.

Люди, которые довольны тем, что имеют, тратят слишком мало денег? «К их счастью», им не нужно тратить на приобретение лишних товаров, которое пытаются им навязать, апеллируя к алчности, вместо этого они могли бы делиться с окружающими, особенно с теми, у кого меньше поводов для того, чтобы чувствовать себя довольным. Франкл был мудр, говоря о том, что «ценности отношения» имеют приоритет. Они помогают человеку достичь духовных вершин. Я бы хотела добавить, что «обобщенные ценности отношения» также способствуют высоким достижениям. В мире, в котором счастливицы готовы проявить любовь и протянуть руку помощи несчастливцам, жить будет хорошо всем.

3. Преимущество человека: другие люди

Баттиани: Это очень важный повод задуматься. В сущности, он ведет нас еще дальше, за рамки определения счастья, согласно Франклу. В том, что уцелело, заключено не только счастье. Тут скрыта также и «конкретная» задача: человек должен самотрансценденцироваться, чтобы не только Я нуждающееся, но и Я благодарное, великодушное и готовое делиться с другими вышло за свои рамки.

Здесь я хочу упомянуть одну научную работу, которая появилась в сборнике Американской психологической ассоциации, посвященную так называемой «позитивной психологии» (Aspinwall, Staudinger, 2003). В этом сборнике рассказывалось об исследовании сил и возможностей человека, которые остаются неиспользованными, что имеет прямое отношение к программе «позитивной психологии». Многие авторы, среди них некоторые специалисты в области психологии, приняли участие в исследовании. Однако нельзя не заметить, что каким бы прекрасным сам по себе ни был проект позитивной психологии, многие авторы были чересчур оптимистичны и поэтому поддались соблазну превратить психологию в проект постоянной самооптимизации и, как следствие, свести человеческую жизнь целиком к очень амбициозному «проекту счастья», при этом игнорируя осознание

страданий, лишений и трагическую триаду (и парадоксальным образом благодарность), даже не признавая и не оставляя места каким-то несовершенствам. Перфекционизм постоянной самореализации и самосовершенствования, вечно-го позитива достигает иногда весьма удручающих масштабов, и на фоне страданий во всем мире он не очень реалистичен. Мы еще поговорим о том, почему в разумном, здоровом и зрелом реализме отсутствует такой однобокий акцент исключительно на позитивном, а также о том, как дорого он может обойтись с психологической точки зрения человеку, если речь идет о том, как справляться со страданием, о сострадании и устойчивости к фрустрации.

Однако одна-единственная статья действительно выделялась из всего упомянутого сборника. Известный американский социальный психолог Эллен Бершайд из университета Миннесоты с впечатляющей чуткостью написала о «большом преимуществе человека – это другие люди» (Berscheid, 2003). Бершайд даже закрепила за этим преимуществом статус одного из важных факторов культурного и социального развития.

То, что вы говорили об обобщенных ценностях отношений и о «своего рода самаритянской позиции», может касаться не только материальных благ, которыми можно поделиться, но и *способностей*, которые можно применить, чтобы помочь другому, поддержать его делом. Это, во-первых, предполагает понимание того, что другой человек может нуж-

даться (не получится закрывать глаза на страдания и беды вокруг), во-вторых, подчеркивает ценность обоюдной помощи.

Выражаясь метафорически, слепой может нести хромого, а хромой может говорить слепому, куда идти, при этом оба они откроют в себе нечто большее, чем одну лишь способность компенсировать недостатки друг друга. Они обнаружат, что другие люди (и готовность разделить с ними свои способности и использовать их во благо других) на самом деле – это их большое преимущество. Во-вторых, эти способности могут исполнить свое предназначение только в действии, до того они были просто возможностью. Будучи использованными с кем-то или чем-то, для кого-то или чего-то, что выходит за рамки Я, они становятся реализованными со смыслом.

Эта закономерность указывает на нечто сущностное для самой природы. Философский взгляд позволит нам сделать прекрасные и утешительные выводы о нашем представлении о мире и человеке, а именно о том, что благодаря человеку, прежде всего его потенциалу к самоотрансценденции, в мире появляется то, что позволяет даже слабости свидетельствовать о силе.

Вернемся к нашей метафоре со слепым и хромым. В природе нам известны многочисленные примеры симбиоза и биологического равновесия, обоюдного приспособления животных и т. д. Это и есть «рецепт успеха» природы: сотруд-

ничество и взаимопомощь. Но то, что вы описали как «своего рода самаритянскую позицию» выходит далеко за эти рамки. Она дана нам, в отличие от животных, лишь как возможность, то есть в нашем свободном пространстве. Способность делиться и великодушие не заложены в нас, как в животных, на уровне инстинктов. *Ничто не принуждает нас делиться с другими или быть великодушными.* Говоря иначе, человеческая способность делиться не запрограммирована биологически, она не активируется автоматически, если мы обнаруживаем какой-то изъян. Она гораздо ценнее, она есть выражение истинной благосклонности, то есть акт свободы и ответственности, акт свободного выбора в пользу великодушия и участия.

4. Реактивное счастье и несчастье

Итак, мы можем и то, и другое: пройти мимо страдающего или попытаться помочь ему в рамках наших возможностей. Ведь то, что вы называете «своего рода самаритянской позицией», если позволите мне снова подхватить и развить вашу мысль, находит свою противоположность в неблагодарности и непосредственно с ней связанным дефицитом благодарности. Со своей незрелой внутренней претенциозной позицией человек становится слеп к собственному счастью («Мне это полагается!»), ровно как к бедам окружающего мира («Почему это должно меня касаться?»). Первое расценивают как нечто само собой разумеющееся, а последнее и вовсе не рассматривают. Определение счастья, которое мы находим у Франкла, как то, что обошло стороной, а также ваши слова об обобщенных ценностях отношений и самаритянской позиции иллюстрируют обе стороны медали. Собственное счастье точно так же не есть нечто естественное, как и нужда другого человека, мимо которой проходят, пожав плечами, хотя имеют ресурсы для помощи.

Нам нужно также отдать дань реализму, не забывая, что мы на самом деле никогда не знаем, когда окажемся на какой стороне, будем ли мы долго обладать счастливой возможностью делиться с другими и когда станем зависимы от тех, кто поможет встать нам на ноги.

Лукас: Хорошо, что вы подчеркнули аспект свободы, размышляя о людском сосуществовании, ориентированном на смысл. В психопатологии многие проблемы основаны на неверных или противоречащих смыслу реакциях на определенные жизненные данности. Франкл в своей книге «Теория и терапия неврозов» (Frankl, 1970) посвятил большую главу «реактивным неврозам». Их раньше не диагностировали, а сегодня этот термин устарел. И все же *реактивный элемент* является ключевым во многих душевных расстройствах.

К примеру, на человека когда-то напала собака по дороге в школу, и у него развилась фобия, а другой после такой же ситуации стал учиться правильно обращаться с животными. Одна девочка обнаружила в детстве, что благодаря ее большому горлу или животу мать нежно к ней относится, и стала упражняться в истерической манипуляции окружающими, а другая после такого же открытия отказалась от такого «театра». Многочисленные психологические картины болезней имеют комбинированную природу: это не только психосоматические заболевания с их типичной комбинацией предварительного телесного повреждения плюс провоцирующих стресс-факторов, но и многие проблемы зависимостей, при которых человек реагирует на краткосрочное эмоциональное удовольствие желанием получить «того же и побольше» вместо того, чтобы с осторожностью воздержаться, или ятрогенные (возникшие только вследствие вмешательства врача)

формы расстройств, при которых необдуманно сказанные слова врачей или других авторитетных личностей слишком серьезно воспринимаются или интерпретируются как угроза беды.

Этот список может дополнить и то, что мы обсуждали: неадекватная (вместо адекватной) реакция на собственное счастье и на чужое страдание.

5. Пятая патология духа времени?

Баттиани: То, что мы сейчас обсуждаем, можно рассматривать не только с точки зрения индивидуума, но и коллектива. В таком случае мы непосредственно коснемся той области, которую Франкл назвал «патологией духа времени», выделив после Второй мировой войны четыре распространенные в обществе патологические установки: установку на временность бытия, фаталистическую, коллективистскую установку и фанатизм (Frankl, 1955).

Франкл наблюдал и описывал эти жизненные установки на протяжении 70 лет. Возникает вопрос, совпадает ли нынешний дух времени с тем, ведь он развивался и раскрывался в иных исторических и социальных условиях.

Наблюдая нынешнюю ситуацию, мы уже несколько лет исследуем вопрос, не присоединились ли за это время к тем четырем болезненным позициям другие. И действительно, как в индивидуальной, так и в групповой работе постоянно дает о себе знать новый коллективный невротический синдром, который подтверждает предположение, что патология духа времени изменилась на фоне нового социоэкономического климата. Этот синдром – увеличение количества возможностей при одновременном угасании ответственности. Другими словами, свобода и ответственность находятся в серьезном дисбалансе.

У людей, которые обеспечены финансами и всем прочим, особенно часто наблюдается невероятно претенциозное отношение к жизни и другим людям, кроме того, они редко замечают все хорошее, а также не готовы встречаться лицом к лицу с неизбежной оборотной стороной бытия или хотя бы признать ее существование. Иными словами, этим людям недостает разумного почтительного отношения к тому, что у них есть, и к тому, что их обходит стороной.

Если сравнить этот новый синдром с патологией духа времени Франкла, то сначала мы заметим, что все четыре болезненные жизненные установки, описанные Франклом, характеризуются одним элементом – *страхом*. Например, при установке на временность бытия всем заправляет гнетущий страх перед будущим. Говоря иначе, человек настолько не доверяет будущему, что он даже не видит смысла что-то начинать. Из-за страха перед будущим он опасается, что всякое его начинание по-любому обречено на провал. При таком упадническом настроении человеку не кажется целесообразным активно действовать в защиту чего-то или кого-то, ведь все равно нет никакой гарантии, что тому, за что он вступится, в ближайшем будущем ничего не будет угрожать или оно не будет уничтожено. Поэтому занимающие такую позицию люди пребывают в состоянии временности, со страхом и робостью ожидая следующего удара судьбы. Мотив страха в этом случае означает следующее: страх перед будущим и страх перед угрозой.

При фаталистической жизненной установке преобладает страх перед мнимыми и неизвестными силами судьбы. Он уничтожает всякую инициативу, возможность вести свободный и ответственный образ жизни. Вера во всемогущество судьбы, которая, по мнению человека с такой установкой, вообще не оставляет ему шанса свободно принимать решения и формировать свою жизнь, низводит его до уровня беспомощного и незначительного винтика, уничтожает его мотивацию к формированию своей жизни:

При более близком рассмотрении выясняется, что фаталист занимает следующую позицию: невозможно действовать или взять судьбу в свои руки, потому что судьба всемогуща. В то время как фаталистически настроенный человек постоянно говорит, что действовать невозможно, человек с установкой на временность бытия считает, что действие вообще не нужно, потому что мы не знаем, что будет завтра (Frankl, 2018, S. 47).

Таким образом, мотив страха у фаталиста – это всемогущество судьбы, нередко в связке с суеверным страхом перед скрытыми знаками судьбы (символы несчастья, гороскопы, плохие предзнаменования и т. д.).

При коллективизме же упрощенное, нередко стереотипное групповое мышление связано не только с тем, что «человек тонет в толпе» (Франкл), но и с одновременным построением образа врага, а именно другой группы (out-group). Со-

циально-психологическое исследование действительно подтверждает, что мышление категориями in-group/out-group функционирует лишь в той мере, в какой создается образ группы, обычно отвергаемой и воспринимаемой как враждебная. Мы против других или другие против нас (Linville et al., 1989; Struch, Schwartz, 1989). Таким образом, мотив страха направлен здесь на образ врага, то есть на всех, кто противится группе или не выказывает ей достаточно уважения, поскольку ценит больше другие идеалы или идентификационные признаки (как правило, собственные).

При фанатизме же (и это тоже доказывают исследования социальной психологии и психологии установки) царят другие страхи. Во-первых, это страх собственных сомнений, который приходится радикально компенсировать с помощью клятвенной лояльности фанатичным идеям или установкам (Johnson, 2010). Во-вторых, это также страх действующих и правдивых мнений, противоречащих собственным убеждениям, потому что их правдивость опять-таки будит сомнения (на этот раз оправданные) в собственных убеждениях, и это снова ведет к переживанию страха.

Говоря кратко, какими бы разными ни были четыре жизненные установки, свидетельствующие о кризисе, описанные Франклом, все они стоят на факторе страха: страха перед будущим (установка на временность бытия), страха перед судьбой (фаталистическая установка), страха перед другими группами (коллективистская установка), страха перед

другими взглядами на мир или определенными взаимосвязями в мире, страха перед собственными сомнениями (фанатичная установка). Кроме того, как подчеркивал Франкл, для всех них типичен ключевой признак бегства от собственной ответственности.

Однако в случае с пятой патологией, которую мы обнаружили в наших исследованиях (преувеличенную претенциозную позицию и, как правило, связанный с ней дефицит почтительного отношения к собственной свободе и ответственности, к жизни в целом), удивительным образом может показаться, что страх играет здесь скорее второстепенную роль. Напротив, может создаться впечатление, что этим людям скорее *не хватает* страха или хотя бы обеспокоенности и, прежде всего, понимания реальности того факта, что мы действительно не можем претендовать на то, чтобы жизнь исполняла все наши пожелания и «защищала» нас от всех трудностей, проверок на прочность и страданий; что, как это сформулировал Франкл, не мы задаем вопросы жизни, но она спрашивает нас. По словам Пола Полака, «мы не можем диктовать свои условия жизни». Но именно такое отношение кажется превалирующим при этой жизненной установке.

Чем больше данные нашего исследования об этом свидетельствуют и показывают, что наблюдаемая нами болезненная жизненная позиция отличается от коллективных патологических установок, описанных Франклом, тем яснее становится, что мы имеем дело с новой, *пятой* патологической

жизненной установкой, которой лучше всего подойдет такое определение: все хорошее и приятное воспринимается как само собой разумеющееся («Мне это полагается»), при этом трудности бытия (будь то собственные страдания или страдания других, или в принципе всё то, что каким-либо образом связано с испытаниями и призывом к конструктивному участию в жизни) вытесняются из собственного представления о жизни.

Любопытно, что Рудольф Аллерс, который в свое время был одним из первых наставников Виктора Франкла и имел непосредственное отношение к Объединению индивидуальной психологии Альфреда Адлера, еще в 1960-е годы наблюдал подобные признаки и очень точно описал их в своей «Феноменологии психиатрии»:

Конфликты, трудности всякого рода, с которыми раньше приходилось мириться и которые признавались неизбежными, сегодня кажутся многим неуместными факторами, мешающими их довольству. Они убеждены в том, что могут претендовать на легкую жизнь, и поэтому видят в конфликте не неизбежный момент человеческой действительности, а симптом. Кроме того, они бегут от ответственности, с которой связана необходимость принятия решений, пусть даже не очень серьезных. Поэтому они готовы перекладывать ответственность на других. Трудно сказать, можно ли рассматривать этих людей как невротиков <...> или все же как людей, которые диагнозом оправдывают свою

нежизнеспособность, в которой часто сами виноваты, а терапией – компромисс между своей алчностью и трусостью (Allers, 1963/2008, S. 143).

В той форме, в которой эта жизненная установка существует сегодня, согласно нашим данным, как говорилось ранее, имеются еще некоторые другие признаки: ввиду вышеописанной претенциозной позиции, в первую очередь, возникает дефицит благодарности, а также способности страдать от необратимой судьбы, дефицит сочувствия и готовности брать на себя ответственность. При этом последний критерий однозначно позволяет нам отнести эту позицию в разработанную Франклом патологию духа времени. Дефицит готовности брать на себя ответственность – это общий знаменатель и связующее звено между всеми вышеупомянутыми болезненными жизненными установками.

6. Цифровая патология (интернет и психика)

Лукас: Вы «из соображений пиетета» (по вашим словам) страшитесь обогатить систему Франкла пятым болезненным настроением духа времени, а я это уже давно сделала. Я уверена, что профессор Франкл сделал бы это сам, если бы стал очевидцем сегодняшнего бытия нашего общества. Я приравнивала к пятому «коллективному неврозу» процветающую цифровую патологию наших дней².

Конечно, существует много разных жизненных установок, которые сомнительны с философской и этической точек зрения и могут иметь кризисное влияние на человека и его окружение. Неспроста логотерапия превратила свой метод «модуляции установки» в терапевтическое средство борьбы с целой палитрой таких ограниченных установок. Но чтобы говорить о настроении духа времени, им должна быть пропитана *очень большая* часть населения. В случае с *цифровой патологией* это так. С ней мы не только открываем главу коллективной зависимости, которая, словно молох, поглощает, в первую очередь, молодежь. С ней мы также вступаем в ту область, к которой отлично подходят названные вами при-

² Ср. главы «Viel Bildschirmzeit – wenig Empathie» и «Vorbild und Beeinflussbarkeit» (Lukas, 2018).

знаки, поскольку у зависимых мы *всегда* обнаруживаем:

1) сильную претенциозность: «Мне это нужно»... «Мне это полагается»... «Я не могу представить свою жизнь без этого (объекта зависимости).»;

2) слабо выраженную благодарность, потому что все ценности на горизонте видимости постепенно угасают и интерес остается только к объекту зависимости;

3) снижение осознания своей ответственности, которое происходит параллельно с потерей толерантности³ и контроля у зависимого человека;

4) попытки скрыть зависимость и проблемы с помощью активной лжи и самообмана.

Я абсолютно с вами согласна, что данное бедствие имеет свое основание в ключевых характеристиках: «слишком мало уместного страха» и «слишком мало почтительного отношения (к хорошему, которое обязывает человека ценить это хорошее и передавать его другим в рамках своих возможностей)». Хотя зависимый точно знает, что он постепенно скатывается вниз, что у него происходит деградация психическая, социальная, финансовая, все же у него недостаточно страха перед бездной, чтобы заставить себя затормозить со

³ Если сначала при потреблении наркотического вещества господствует определенная доля осторожности, она постепенно сходит на нет, потому что последовательная зависимость требует частого потребления и/ или увеличения дозы. Это называется «потерей толерантности». Организм становится все менее «толерантным» к состоянию, свободному от наркотического вещества.

всей силой и всем своим «упрямством духа» (Франкл). Одновременно не хватает почтительного отношения к ценным моментам в своей жизни, к предоставленным человеку свободным пространствам и ресурсам, к тому, что человек желанен в этом мире, призван этой жизнью, к тому, что его пригласили участвовать в ее формировании с любовью и ответственностью... Ничто из этого не проникает больше в одураченный разум и одурманенную душу, лишь раздражение и беспокойство из-за тихо крадущихся и все громче стучащих в дверь мук отмены ведут и мотивируют душу зависимого.

Конечно, болезни зависимостей существуют с незапамятных времен. Но как могло дойти до такой «массовой чумы», как цифровая патология? Вероятно, в этом замешано несколько факторов. С одной стороны, постоянный культурный, технический и научный прогресс *духовно необходим*.

За короткое (в масштабах эволюции) время, с тех пор как человеческий вид появился на свет, он достиг невероятного размаха. То, что мы научились расщеплять атомы, рассылать информацию по всему земному шару без проводов или прорываться в космическое пространство, – это почти что чудо. Фактически это энергия «дивного» духа, которым нас наделили и который стремится овладеть всем, что он обнаруживает – как своим собственным разумом, так и плодами планеты, на которой он обитает. Духовному неведома стагнация, духовное находится в непрерывном движении, как сформулировал Франкл: «Дух – это чистая динамика», движение в

бытии (а не в пространстве). *Прогресс – это движение духа вперед, дальше.*

С другой стороны, мы существа из плоти и крови, с восприимчивым и подверженным изменениям организмом и пестрой, многокомпонентной психикой, в которой любопытным образом перемешаны эмоции и когниции, инстинкты и разум. Это «слишком человеческое» постоянно тормозит «специфически человеческое» и окутывает его заблуждениями, путаницей и не в последнюю очередь бесчеловечностью и жестокостью. В итоге все зависит от того, будет ли поспевать за быстрым прогрессом *ответственное отношение к новому*, которое прогресс несет с собой. Это соревнование между изобретениями духа и чувствительностью человеческой совести проходит уже тысячелетиями; до сих пор нет однозначного победителя или проигравшего. Но то, что изобретения духа в этой гонке ушли в отрыв, беспокоило еще Франкла, когда тот заметил, что человек более не может (нравственно) ориентироваться ни на старые традиции, ни на врожденные инстинкты и что опасные проявления («Хотеть делать, как другие», «Хотеть делать, что хотят другие») кишат в зародившемся ориентационном вакууме.

Я сама наблюдала появление телевизора, позже компьютера и теперь смартфона. Завороженность экраном, захват (в прямом смысле слова) виртуальными мирами, желание обязательно присутствовать в цифровой современности, бурное ликование по поводу неизвестных и несуществующих ранее

возможностей... Все это слишком быстро свалилось на нас, чтобы мы могли сформировать какие-то корректирующие механизмы, учитывая то, что уже существовавший ориентационный вакуум усложнил ситуацию.

Изобретения сами по себе нейтральны в плане ценностей. То, что физики познали механизм расщепления атома, не предполагало изобретения атомной бомбы. То, что ракеты могут преодолевать притяжение Земли, не предполагает уничтожающего удара «сверху». То, что всякие фотографии можно выставить на обозрение в интернете, не предполагает широкого распространения детской порнографии. *Пока совесть держит технику на поводке, она будет нашим благословием.* Но если поводок отпустить, то да поможет нам Бог!

Цифровое пространство дает соблазн выйти из области ответственности нашей совести. В нем так много «киношного», «выдуманного», фальшивого. Так легко что-то нафантазировать, что-то утверждать, использовать на потеху публики в подлых целях. К примеру, можно изображать сцены пыток для извращенного развлечения зрителей. Если подтасовать туда пару видео с настоящими жертвами, это уже никто не заметит. Эффект развлечения может быть тем же. Крайне опасно, когда граница между реальностью и фантазиями размывается, когда нельзя наверняка проверить содержимое новостей, когда пользователя намеренно направляют на ложный путь, когда неважные сообщения без конца отрывают от

важных вещей, когда бытующие мнения вытесняют суть, когда люди все больше верят, что только в сети перед ними открыт мир. Как совести отдельного человека ориентироваться в этой смеси реального, нереального, сюрреалистичного? Непрерывный шепот эфира практически погружает совесть в сон.

Баттиани: И всё же здесь встает вопрос и о том, как и зачем мы используем этот инструмент, как и любой другой.

Лукас: Конечно, в прогрессе есть огромный плюс. Электронная память хранит все, что человеческая никогда не смогла бы в себе уместить. Моментально мы получаем готовые ответы на любые вопросы из хранилища опыта поколений. Мгновенно мы выходим на связь со знакомыми и незнакомыми людьми, находящимися вдали от нас, что делает возможным глобальный диалог. Процессы становятся видимыми: то, что происходит в умах, вдруг начинает пульсировать в общественно доступной сети. Появляются новые помощники в форме искусственного интеллекта и робототехники, домашние слуги, которые не выбиваются из сил, как их хозяева. Вся наша экономическая и цивилизационная система превратилась бы без них в хаос. То, что человек становится зависимым от долговременной помощи, не предотвратить. Водители, которые привыкли передвигаться по навигатору, разучиваются самостоятельно находить доро-

гу и т. д.

К сожалению, то же самое происходит и с социальными контактами. Нет сомнений в том, что реальные отношения между друзьями и внутри семьи ухудшаются при нездоровом использовании медийных средств. Эксперты определили порог нездорового использования медиа: примерно четыре часа ежедневного «залипания» в смартфон, что однозначно представляет собой «нижнюю» границу, которая постепенно повышается. Люди тешат себя иллюзией, что они находятся в диалоге с другими пользователями в мире Фейсбука, но они разучиваются конструктивно общаться с людьми в реальности, понимать их. Что еще хуже, «жители сети» не могут как следует учиться эмпатии и уважению себя и других, что доказывают исследователи мозга и психологи (ср.: Spitzer, 2015). Согласно многочисленным исследованиям, многие отпрыски этой зарождающейся эры 1) питают иллюзорную надежду, что другие постоянно должны входить в их положение; 2) при этом не ценят дружелюбия и интереса к своей личности; 3) не задумываются о последствиях своих сообщений и писем; 4) не выдерживают «отсрочки вознаграждения», потому что все должно быть получено ими немедленно. Вот они, четыре ваших проницательных наблюдения: завышенные претензии, отсутствие благодарности, сниженное осознание ответственности и отказ выдерживать какую-либо фрустрацию, будь то даже «ожидание» чего-то хорошего (не говоря о том, чтобы переносить негатив-

ное). Вот он – *пятый «коллективный невроз» в патологии актуального духа времени!*

7. Бедствие и благоговение

Баттиани: Если проложить путь от диагноза к терапии, как, по-вашему, он может выглядеть?

Лукас: Сложно сказать. Я знаю, что люди нашей профессии не могут довольствоваться диагностическими сообщениями. Мы сразу задаемся вопросом: каким может быть направление терапии для зависимых от цифровых технологий? Все логотерапевты поступят правильно, если будут интенсивно заниматься этим вопросом. Подумаем: есть ли совет, который оставил нам Франкл? Он писал:

Итак, направленность коллективного невроза такая же, как и индивидуального: он достигает апогея и выливается в призыв к осознанию ответственности. Поэтому давайте приведем наших пациентов к осознанию их ответственного бытия. тогда мы должны попробовать представить себе исторический характер жизни и вместе с этим человеческую ответственность в ней. Человеку. можно, например, посоветовать представить себе, как он листает свою биографию на закате своей жизни. (Frankl, 1984, S. 197–198).

Здесь Франкл поясняет, что все подробности жизни навсегда зафиксированы в отдельных главах прошлого. Если бы можно было, оглядываясь назад, что-то стереть или что-

то улучшить, часто это было бы сделано с удовольствием. Но это наше желание никогда не исполнится. Почему бы еще в процессе написания этих глав нам не следить за тем, чтобы детали, которые уходят в вечность, не вызывали в конце нашего сожаления?⁴

Баттиани: Разрешите мне сделать небольшое отступление. То, что я хочу сейчас рассказать, прекрасно вписывается в наш контекст. Я уже рассказывал эту историю ранее (Batthyany, 2019a, S. 53f). Одна пожилая учительница немецкого языка высказала мне пожелание во время нашей встречи в доме престарелых, хотя она не была знакома с идеями Франкла (только с его книгой «Сказать жизни „Да!“»). Мы встретились в саду дома престарелых, где она, будучи тяжело больна, проводила свои последние дни. Мы сидели там под красивой старой яблоней, и она рассказывала о своей жизни. В общем и целом она пребывала в гармонии с собой, со своей жизнью и смирилась со смертью. Она произнесла тогда слова, которые прямо-таки продолжают то, что вы цитировали. Она сказала, что теперь история ее жизни подходит к концу, но я, как сравнительно молодой человек, должен добросовестно делать свое дело, я несу ответственность за все, что будет написано в истории моей жизни. «Делайте

⁴ Этот ход мыслей нашел свою высшую точку в побудительном изречении Франкла: «Живи так, как будто живешь во второй раз и в прошлой жизни уже делал ошибку, которую собираешься совершить сейчас». – *Прим. пер.*

свое дело хорошо!» Сложно передать напряженную и в то же время невероятно умиротворенную атмосферу той утренней беседы ранней весной. С тех пор прошло уже несколько лет, но должен сказать, что едва ли проходит день, когда я не задумываюсь над этими словами.

Любопытно, что Франкл (и это снова примыкает к цитате, которую вы привели) представил идею о конечности жизни человека и превращения его решений и действий в личную историю как терапевтический способ передачи ему жизненной ответственности следующим образом:

Мы предлагаем больному представить себе, что история его жизни – это роман, а он сам – главный персонаж. В его власти дать истории продолжение, так сказать, определить, что будет в следующей главе. Тогда вместо мнимого груза ответственности, которого он страшится и от которого он бежит, он почувствует свою естественную ответственность в бытии как свободу принятия решений по отношению к многочисленным возможностям действий.

Еще эффективнее будет апелляция к личной активности, если мы от него потребуем представить себе, будто он находится в конечном пункте своей жизни и собирается написать свою биографию, и именно сейчас он остановился перед той главой, которая рассказывает о настоящем, и чудесным образом в его власти оказывается внесение исправлений; он может совершенно свободно определять то, что произойдет непосредственно дальше. И механизм этого

сравнения заставит его жить и действовать, исходя из полной своей ответственности (Frankl, 2010, S. 22f).

Однако одно дело быть почти в конце своего пути, как вышеупомянутая пожилая дама, которая достигает этого понимания, живет им и передает дальше другим. Другое дело – столкнуться с пониманием ответственности в середине пути, осознав его конечность. В этом есть некая жесткость.

Лукас: Да, Франкл пустил в ход тяжелую артиллерию. Он предложил столкнуть пациентов с конечностью их жизни и убедительно призвать их к ответственности за собственную жизнь с позиции смерти. В своей гениальности он снова попал в точку. Я признаю, мне всегда было не по себе, когда специалисты в области зависимостей объясняли, что «зависимому надо почувствовать себя действительно плохо» перед тем, как отважиться пойти на терапию. Но это правда, как бы печально это ни было. Если ощущение «давления смысла» сходит на нет, «давление страдания» еще имеет последний шанс. Подобным образом Франкл действовал при борьбе с проблематикой патологических настроений времени. При учете факта смерти меняются предпочтения. Поэтому, что касается профилактики и возможной терапии, я хотела бы *перевернуть* порядок в списке наблюдений. Нужно будет начать с ускорения процесса знакомства с темной стороной жизни (включая страдание и смерть) (4). Как утверждал Франкл, это обострит осознание ответственности за

пользование жизнью (3). Затем возникнет благодарность за присутствующую светлую сторону жизни (2) и исчезнут абсурдные претензии на чистое наслаждение жизнью (1).

Подобные «обратные тенденции» начинают смутно проявляться. Поэтому я хотела бы вас и утешить: я вижу основание для «трагического оптимизма» (Франкл). Смерть медленно протягивает свои щупальца сквозь эйфорию прогресса. Выхлопные газы отравляют города, потепление климата вызывает засухи на полях, пластиковый мусор отравляет моря, зияет пропасть между богатыми и бедными... Перегруженная стремительным техническим и общественным развитием совесть людей по всему миру начинает шевелиться и старается преуспеть в гонке. Она шепчет о глобальных сверхзадачах, с которыми можно справиться только в мирном и консенсуальном сотрудничестве. Рост и угроза новых бедствий делает ее шепот более настойчивым, и он перекроет цифровое жужжание.

Несчастье учит страху и почтению, что находит свое отражение в пословице «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»⁵, которую несправедливо употребляют с насмешкой. Несчастье учит нас, что все наше лишь «на время», а также тому, что все это «временно нам принадлежащее» дано нам в милосердии. Молитвы питают наши надежды, что милосердие все еще правит миром.

⁵ Буквальный перевод немецкой пословицы: «Несчастье учит молиться». – *Прим. пер.*

II. О психологическом значении реалистичного представления о человеке

1. Наше представление о себе и его значение

Баттиани: Мы говорили о несчастье как об учителе. Но есть также и другие учителя, которым верят гораздо меньше и которые все же значительно влияют на наше представление о мире и человеке. В то же время зачастую уроки этих учителей воспринимают чаще и охотнее, чем уроки собственного или чужого несчастья. Я имею в виду роль науки, прежде всего психологии, которая оказывает влияние на формирование представления о человеке.

В последние годы мы снова наблюдаем широко развернувшуюся дискуссию о ключевых вопросах и сущности бытия человека, которая в последний раз была настолько интенсивна, пожалуй, во времена Дарвина и Фрейда. Этот процесс тесно связан с прогрессом в нейронауках, но также и с их популяризацией и упрощением до истинного материализма и детерминизма посредством популярной науки и массме-

диа. Нам нет нужды пускаться в рассуждения о материализме, это тема для отдельной книги, а нас ждет еще много других тем, которые мы хотим обсудить. Тот, кто интересуется проблемой материализма и ищет ответы на вопросы из этой области, может обратиться ко множеству выдающихся работ (Baker, Goetz, 2011; Gabriel, 2015; Peschl, Batthyany, 2008; Zunke, 2012).

Но о детерминизме кое-что нужно сказать, не в последнюю очередь потому, что в этой области существуют некоторые эмпирические данные, которые должны заинтересовать нас по нескольким причинам. Во-первых, они доказывают, что есть сильная и прямая зависимость между тем, что мы делаем, и тем, что мы думаем про себя и про других, чего ждем от себя и других. Во-вторых, они показывают, что значительная часть нашего поведения все же может быть изменена через наши установки. И, в-третьих, развивая нашу мысль, они показывают, что, если наше установки можно качественно изменить, значит, можно качественно изменить и поведение. Пожалуй, это хорошая новость для всех, кто постоянно обещает себе «с этого момента действовать по-другому», но потом скатывается назад и спустя какое-то время вынужден признать, что одного лишь наличия такого обещания вовсе не достаточно, чтобы это обещание воплотить в действие. Это исследование показывает (как и жизненный опыт большинства), что в таких ситуациях не хватает одного компонента. Этот компонент, в сущности, и есть *та самая*

установка, в первую очередь, наше *представление о себе и человеке*. Дает ли она нам храбрость, с тем чтобы мы активно использовали наши возможности, или она лишает нас храбрости и ставит на нас клеймо жертвы внутренней и внешней обусловленности?

Говоря конкретнее, тот, кто считает себя и свое поведение всегда лишь зависимым от внешних и внутренних обстоятельств, вероятно, не станет стараться (или будет мало стараться), чтобы как-то противопоставить себя этой обусловленности (Martijn et al., 2002). Сначала это кажется вполне простым и понятным, но насколько эта связь важна, доказывают эксперименты, проведенные в последние годы исследователями поведения. Данные исследования посвящены взаимосвязи между представлением человека о себе и его действиями.

Эти эксперименты следовали, по сути, одной схеме. Ученые выбирали случайных испытуемых и делили их на две группы. Обе группы получали (под каким-либо предлогом) текст для чтения. Текст первой группы приводил довольно убедительные аргументы в пользу того, что человек полностью зависим от своих внешних и внутренних обстоятельств («Не может быть иначе»). Другой группе так же убедительно излагали, что, хоть человек и зависим в определенной степени от разных факторов, гораздо важнее его свободный выбор поведения. Поэтому человек в определенной мере имеет свободу воли («Он всегда может поступить и по-другому»).

Обычно в таких исследованиях от испытуемых скрывают научные цели, чтобы максимально исключить эффект ожидания, искажения и т. п. Так же и здесь. Цель была в том, чтобы исследовать непосредственное влияние веры в свободу своей воли на поведение человека. С этой целью была придумана так называемая «легенда». Во время экспериментов испытуемым объяснили, что они примут участие в нескольких отдельных исследованиях, которые не будут связаны между собой. Перед первым исследованием им сообщили, что будет проверяться связь между пониманием текста и его запоминанием. В зависимости от группы (которая определялась случайным образом) испытуемые получали якобы свежайшую статью из научного журнала, которая рассказывала о якобы однозначных революционных результатах исследований, согласно которым наука доказала, что жизнь человека полностью определяется разными факторами (для «группы несвободных») или что она зависит от способности человека принимать решения (для «группы свободных»). Конечно, обе статьи были вымышленными, но испытуемым об этом не сказали. Они верили, что прочитали обоснованные мнения в поддержку свободы воли человека или против нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.